

Литературная рубрика.

К нам пришло письмо.

Джон
После выхода газеты "ДП" в рубрику "Бумажные сердца" пришло письмо, в котором читатель негодует по поводу плагиата нашими авторами. Надеемся, что и в дальнейшем будут находиться подобные умные и знающие поэзию (и прочее) люди, дабы не вводить в заблуждение наших читателей "своими" произведениями.

После прочтения уже второго номера, набирающей все большую популярность газеты "Движение пакетов", осознаешь, какой вклад она вносит в умы нашей деградированной молодежи. Удивление вызывает наличие в городе такого количества местных "Пушкиных" и "Достоевских", а это значит, что еще не все кончено.

Оказывается, что кроме кайфов, пьянок и петушинных боев, есть нормальная жизнь и есть люди, которые явно не желают жить в хлеву, возвышаясь куполами мыслей над лысыми крышами новоруссов. Конечно, большой вклад в нужное дело вносит редакция газеты. Жаль только, что 70 процентов рабочей площади оккупировано кланом Ерох. Вообще-то, неплохо было бы объявить конкурс на лучшее произведение опубликованное в газете и одну из первых премий посмертно вручить Федору Ивановичу Тютчеву за неоспоримый вклад в поэзию нашего города и поднятие престижа достопрочтенной газеты. Кроме того, Федор Иванович подарил нам замечательную поэтессу Наталью Ларину (если это, конечно, не псевдоним). Наталья, видимо еще молода и, соответственно, ленива, "сочинив" только половину прекрасного стихотворения моего любимого поэта, да и строки немного перепутала, лишив читателей возможности насладиться изящностью пера великого стихотворца. Надеюсь, редакция восполнит этот пробел и специально для Наташи (дабы выучила) напечатает это произведение полностью. Как человеку, имеющему отношение к стихоплетству, хотелось бы отметить работы А.Туманова, того же Ерохи и В.Кукулякина. Побольше бы таких деятелей, и тогда мы еще сможем спасти "заблудшую молодежь" в плане бездуховности.

Ф.И.Тютчев

Она сидела на полу
И груды писем разбирала
И как остывшую золу
Брала их в руки и бросала

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело

О, сколько жизни было тут
Невозвратно пережитой
О, сколько горестных минут
Любви и радости убитой

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени
И страшно грустно стало мне
Как от присущей милой тени

Ночь врывается в окно, неся с собой
зловещую пустоту. Последняя сигарета
тухнет. Хриплый стон - пустая надежда. И
одинокая скрипка, рвущая душу на части...

«ПОЭТУ»

Минутальные обложки,
Свой пресс и дурмы прошлых лет
Вот, что оставили ты поточкам
Бутербты, безбожники и пашт
Скаты неизблемую вину
Стелетам острым, как взрывкой
Родили, по стиркей фромовые
Не тронуть белого покой.
И как судьбы Зоркой прощай,
Шлы в наивностию адюнк.
Шлюй генией, он всего лишь поиск-
Не камень любви, а песок.

Святослав
ПОЛЯКОВ

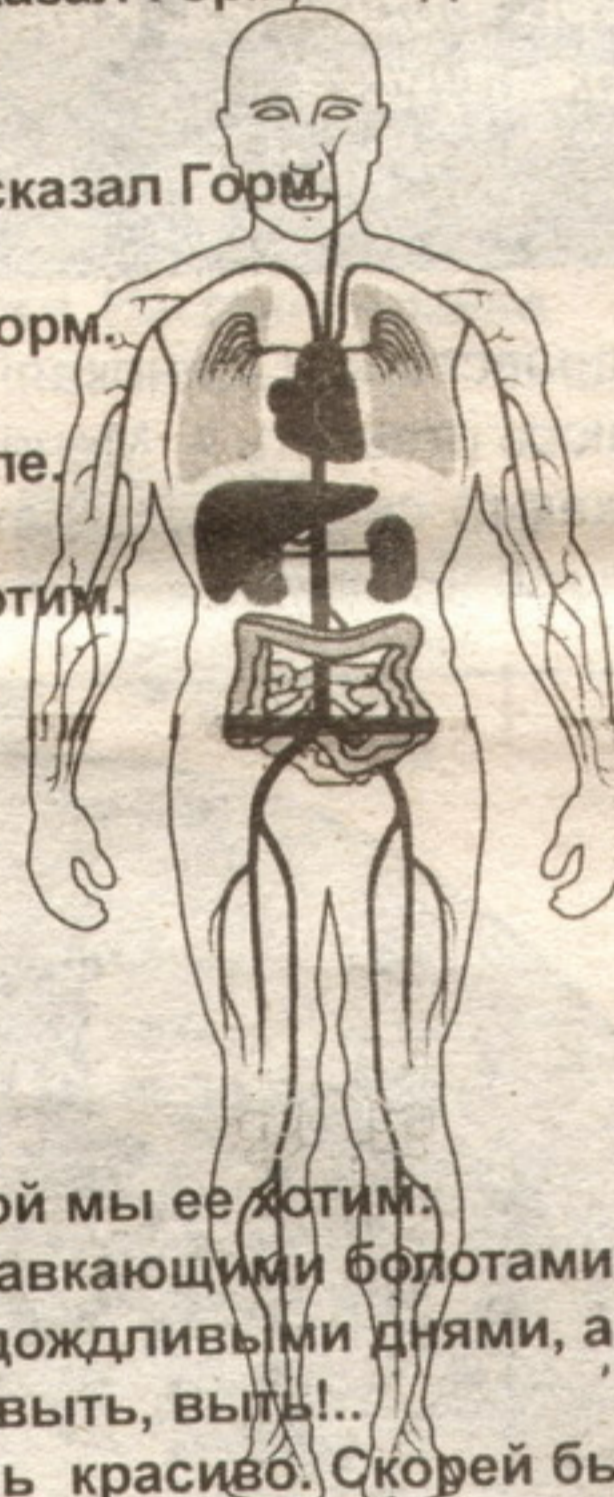
Виктор Рощенко.

Я не сплю. Глаза просто сами закрываются. Это значит, приходит время сна. Он стучится ко мне и я его обычно впускаю. Они приходят ко мне, эти

Ядерные Сны.

Горм.

- Жизнь не может быть вечной,- сказал Горм,- когда-нибудь мы все умрем.
- Да,- согласился Старик,- умрем.
- А человеческая кровь сладкая,- сказал Горм.
- Я знаю,- ответил Старик.
- Скоро умрут все люди,- сказал Горм.
- Умрут,- согласился Старик.
- И мы будем царствовать на земле.
- Будем.
- И мы сделаем ее такой, какой хотим.
- Сделаем.
- Всегда будет ночь.
- Да.
- И дождь.
- Да.
- Туман.
- Да.
- Болота.
- Да, да, да! Она будет такой, какой мы ее хотим, мрачной, туманной, с сырými, чавкающими болотами, лунными ночами, пасмурными, дождливыми днями, а мы будем вылезать из болот и выть, выть!...
- Да,- вздохнул Горм,- будет очень красиво. Скорей бы уж...

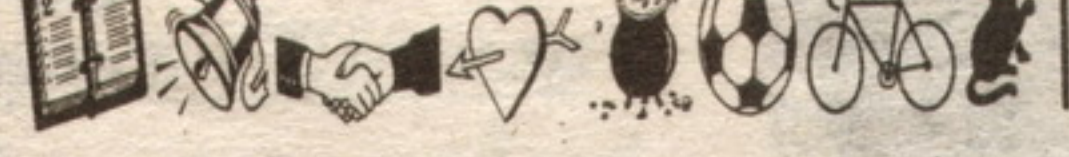

баке, определенном возле здания, где ходят двуногие, прикрывавшие свою шерсть белыми халатами. Правда, все съестное отдавало

неприятными запахами, которые чувствительная кошка нигде больше не встречала. Били ее всего один раз, когда шла вторая зима. Разорванное ухо она не считала серьезным увечьем, по крайней мере, это не мешало ей встречаться с независимыми котами, гордо игнорирующими открытый ею мусорный бак с едой.

Сегодня было особенно тепло и безопасно, все располагало к дальнейшей жизни. Прямоходящие пытались заниматься своим обустройством и не обращали внимания на вылезшую погреться усатую братию. Как она не заметила ревущее чудище, обдавшее ее гарью и жаром, исходящим от механических частей движения, не узнает уже ни она ни ее не родившиеся этой весной дети. Чудище раздробило ей задние лапы, сломало позвоночник и разорвало сухожилия жизни. К неподвижно лежащей на дороге кошке подошли маленькие люди, почему-то ни чем не пахнущие, и причиняя ей нестерпимую боль, перенесли ее в тень уставшего дерева. Голову кошка держала прямо. Казалось, пострадавшая отдыхает, но очень частое дыхание, ничего невидящий взгляд, липкая слюна с кровью, говорили о том, что животное умирает.

Зареванная девчонка со сбитыми коленками тщетно пыталась

...Ты помнишь - я пришел к тебе большой...
Ты ласк моих ждала - и не дождалась:
Твоя любовь казалась мне слепой,
Моя любовь - преступной мне казалась!..

С.Я.Надсон, "Цветы".

Ночь нагнетает мне
смятенье,
но есть мечта в душе
моей.
Иду один всё,
воплотив в стремленье,
к далекой призрачной
звезде моей.
В ней заключается
моя надежда,
и всё что я хотел
познать о ней,
но разум мой всё
превратив в движение,
сам затерялся в
происках ночей.

Александр

ИВАНОВ

Запах ее духов

Dreamer.

Запах. Запах духов. Запах ее духов. Запах на кончике языка. Похоже на слишком острую конфету. Этот запах еще здесь. Ее нет. Она далеко. Километры. Расстояния. А запах здесь. Чувствуется. Грезы. Бессонница и грезы в ночи. Вечное ожидание, превращенное в сладкий, медленный танец-блюз. надежды. Ждешь. Хочешь. Хочешь ее. Никакой философии. Нет мыслей. Нет ничего. Тени. Тени на стене. Тени в ночи. Они движутся. Мне хорошо. В каждом аромате духов мне мерещится память о ней. Ее запах. Нельзя ни с чем сравнить. А вокруг звуки. Медленные звуки шепчут из колонок: "I Love You..." Пляска сознания. Танцует мое сознание, медленно, плавно, как пламя в траве. Поток НИЧЕГО уже захлестнул меня. Запах...

Мистика дней проходит мимо...

Дмитрий Моисеенко

Мистика дней проходит мимо. Мы живем, но мы не знаем, что это значит, и пока я задаю себе этот вопрос, мистика дней проходит мимо.

У меня была подруга, позавчера или вчера - не помню. И еще был друг, тоже не помню, когда. Было очень весело. А больше я ничего не помню.

Сначала я решил написать рассказ. Потом пришла она. Я хотел сказать ей, что собирался писать рассказ. Но не сказал. Она принесла курицу и еще что-то. Тогда я решил написать другой рассказ. Но не успел. Она осталась, а утром мне очень хотелось написать этот рассказ.

Когда пришла она, я читал Кортсара. Она принесла чуточку морозного воздуха и аромат духов. Слишком много для маленького счастья в этой комнате и слишком мало для того, чтобы я отложил книгу. Я просто не стал открывать дверь.

По снегу шел человек и размахивал руками. Люди подходили к нему и спрашивали:

- Зачем вы это делаете?
- Разве вы не видите, - удивлялся он, - я летаю!
И любопытные отходили в сторону, пожимая плечами. Но однажды кто-то сказал ему:
- Вы не летите, а идете по земле. Человек удивленно посмотрел вниз, упал и разбился.

накормить ее принесенной из дома едой, которой пользуются люди, но горячий нос кошки уже не воспринимал запаха, исходящего от обрывка мокрой газеты. Бродячая собака, возмущенная наплевательским поведением лежащей, устроилась поодаль, однако

быстро учуяв запах смерти, ушла к продолжающейся весне. Чьи-то руки подложили под потерянное тельце безымянной кошки пучок новой травы, от чего животине стало невозможно больно. Из ее глаз покатились слезы. Лучи молодого солнца стали испепеляюще-горячими. А большие люди вновь уносили куда-то в темноту ее мокрых и слепых котят...

Клановый
ЕРОФЕЕВ-ТРАГИК.

Игорь Белов.

Унылый пейзаж заслонив чemoданом,
Разлука уже превратилась в безразмерье,
Дороги разбитые -
в автобаны,
Которым претит
солновинное пенение.
Какая привычка -
слепить на вокзал
И с шиком гордиться перроном заплеванным,
Где тает, как лето, у всех на глазах
Вагонов сумятица -
синих, зеленых...
И каждый билет - побег, эмиграция,
И рельсы -
граненые строчки Лорки -
Все греют сердца
поколениям и нациям
Расхлябанной нежностью,
жалобой горькой.
Ты едешь сегодня.
Напротив меня
Смешки и улыбки погасли все разом.
Окурки - что бабочки.
С этого дня
Учусь путешествовать третьим классом,
Пока расписание
ночной тетрадью
Глотнет пару цифр,
как до-ре-ми-фа-солъ,
И стрелки часов,
как из книжки расписание,
И их до сих пор европейский фасон...

ЧТО-ТО...